

Перспективы и ограничения цифровых технологий для развития политического консалтинга

Opportunities and limitations of digitalization for the development of political consulting

DOI: 10.12737/2587-6295-2026-10-1-228-237

УДК 32.019.5

Получено: 11.02.2026

Одобрено: 23.02.2026

Опубликовано: 25.03.2026

Федорченко Л.В.

Канд. полит. наук, доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доцент кафедры общегуманитарных наук и массовых коммуникаций АНОВО «Московский международный университет», г. Москва
e-mail: kascandra@mail.ru

Fedorchenko L.V.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Associate Professor, Department of General Humanitarian Sciences and Mass Communications, Autonomous noncommercial organization of higher education «Moscow International University», Moscow
e-mail: kascandra@mail.ru

Аннотация

Целью статьи является определение специфики перспектив и ограничений цифровых технологий для развития современного политического консалтинга. Автор рассматривает цифровую трансформацию политического консалтинга в тесной связи с процессом виртуализации политики. В качестве *методологической основы* автор опирается на принципы SWOT-анализа. Кластеризация условий цифровой трансформации политической сферы позволила выявить сильные, слабые стороны, возможности и угрозы цифровых технологий для развития политического консалтинга как отдельной профессиональной деятельности. Автор выделяет основные преимущества цифровых технологий, которые включают в себя высокий уровень интерактивности, расширение арсенала сбора и анализа большого объёма данных, улучшение качества политического прогнозирования, создание новых подходов к созданию политических имиджей и брендов. В то же время отмечает риски и ограничения, такие как нарушение конфиденциальности, зависимость от национальной нормативно-правовой базы, угроза манипуляции информацией, возможные негативные процессы полной автоматизации политического процесса. Проведённый анализ позволяет сделать *вывод* о необходимости адаптации политических консультантов к условиям цифровой среды, сохраняя при этом баланс человеческого и технического факторов. Исследование обладает *теоретической и практической значимостью*, способствуя лучшему пониманию современных тенденций цифровизации политики и способов взаимодействия политических консультантов с новыми технологиями.

Ключевые слова: политический консалтинг, цифровизация политики, виртуализация политики, цифровые технологии, алгоритмы, политические технологии.

Abstract

The purpose of the article is to identify the specifics of the prospects and limitations of digital technologies for the development of modern political consulting. The author examines the digital transformation of political consulting in close connection with the process of policy virtualization. As a methodological basis, the author relies on the principles of SWOT analysis. Clustering of the conditions of digital transformation of the political sphere has made it possible to identify the strengths, weaknesses, opportunities and threats of digital technologies for the development of political consulting as a separate professional activity. The author highlights the main advantages of digital technologies, which include a high level of interactivity, expanding the arsenal of collecting and analyzing large amounts of data, improving the quality of political forecasting, and creating new approaches to creating political images and brands. At the same time, he notes the risks and limitations, such as violation of confidentiality, dependence on the national regulatory framework, the threat of information manipulation, and possible negative processes of full automation of the political process. The conducted analysis allows us to conclude that it is necessary to adapt political consultants to the conditions of the digital environment, while maintaining a balance of human and technical factors. The research has theoretical and practical significance, contributing to a better understanding of current trends in the digitalization of politics and the ways in which political consultants interact with new technologies.

Keywords: political consulting, digitalization of politics, virtualization of politics, digital technologies, algorithms, political technologies.

Введение

Современный политический консалтинг сталкивается с важными трансформациями, процессами, связанными с цифровизацией общества и государства и вынужден адаптироваться, приспосабливаться к новым веяниям, обращаясь к новейшему инструментарию аналитических и прогнозных систем, основанных на алгоритмах. Что ожидать политико-консалтинговым фирмам от цифровой трансформации общества и государства? Приведёт ли усиление роли технологических корпоративных гигантов наподобие Яндекс, Google, Huawei к тотальным изменениям деятельности политических консультантов, ослаблению их значения или, наоборот, даст им в руки новый инструментарий по работе с электоратом, заказчиками?

Возникает несколько предположений по поводу цифровизации политического консалтинга. Во-первых, у политического консалтинга есть хорошие примеры внедрения алгоритмических практик обработки информации в бизнес-сфере, маркетинге. Именно корпоративный сектор первым обращается к технологическим новациям, сулящим ему сокращение издержек производства, времени и непосредственную выгоду. Во-вторых, нельзя забывать о том, что политико-консалтинговая деятельность – это довольно специфическая форма работы, ориентированная на работу с кандидатами на выборах, политическими партиями, различного типа политическими проектами. Таким образом, воспринимать внедрение цифровых технологий политическими консультантами исключительно как простое заимствование опыта коммерческих компаний, использующих искусственный интеллект, машинное обучение и нейросети в рекламе и клиентской работе, было бы некорректно. Цифровые технологии необходимы современным политическим консультантам – как российским, так и зарубежным – для перевода их работы на новый уровень с учётом характерных особенностей политического рынка и его акторов – от государства до электоральных групп и партий.

На основании изложенного следует обозначить, что *целью* работы будет определение специфики перспектив и ограничений цифровых технологий для развития современного политического консалтинга.

Методы

Методологической основой статьи выступит SWOT-анализ. В современной научной литературе авторы все более активно применяют матрицу SWOT-анализа, которая, как правило, включает следующие обязательные элементы: сильные, слабые стороны, возможности и угрозы какого-либо процесса, явления, феномена либо эффекта [4]. Данные компоненты применяются автором для определения зависимости политического консалтинга от цифровых трансформаций общества, государства, от появления и распространения конкретных цифровых технологий.

Матрица SWOT-анализа значимости цифровых технологий для развития политико-консалтинговой деятельности предполагает следующие компоненты:

- 1) оценку сильных сторон цифровых технологий, алгоритмов, искусственного интеллекта для политических консультантов;
- 2) определение ограничений, слабых сторон цифровых приёмов, нейронных сетей, алгоритмических систем для совершенствования политического консалтинга;
- 3) выявление возможностей цифровых технологий, алгоритмов, машинного обучения для качественной трансформации политического консалтинга;
- 4) обнаружение угроз цифровых технологий, искусственного интеллекта для развития политико-консалтинговой деятельности.

Для удобства все четыре компонента анализа были обобщены в два укрупнённых сегмента в виде «перспективы» (1 и 3 компоненты) и «ограничений» (2 и 4 компоненты). Но перед тем, как приступить к SWOT-анализу, требуется конкретизировать сущность цифровизации для предотвращения терминологической путаницы.

Обзор научной литературы Цифровизация политики

При обращении к цифровизации политического консалтинга, важно подчеркнуть, что она имела подготовительный этап в виде процесса виртуализации политической сферы. Без понимания сути виртуализации политики будет сложно осмыслить и цифровые метаморфозы, происходящие с современным политическим рынком, политическими технологиями и политико-консалтинговыми корпорациями. Формулируя широкое определение, можно предположить, что виртуализация политики является процессом формирования виртуальных образов, конструкций в современной политической сфере. В качестве важных условий виртуализации политики (большинство данных понятий производно от лат. *virtualis* – возможный) можно назвать развитие интернет-коммуникаций, связанных с транснациональными технологическими корпорациями, а также внедрение компьютерных технологий в политическую жизнь.

Термин виртуальная реальность стал популяризоваться с 1987 г. Дж. Ланье, американским футурологом и исследователем в области информатики. Параллельно проводились и советские исследования виртуальной реальности. Например, в 1986 г. Н.А. Носов и О.И. Генисаретский опубликовали статью «Виртуальные состояния в деятельности человека-оператора». Изучением виртуальных явлений также занимались немецкие (А. Бюль, М. Паэту) и канадские (А. Крокер, М. Вэйнштейн) учёные.

Отечественный исследователь и создатель виртуалистики Н.А. Носов подчёркивает, что реальные объекты порождают виртуальные объекты, которые могут между собой взаимодействовать. Тогда как виртуальная реальность конструируется из виртуальных объектов. Согласно Н.А. Носову, виртуальной реальности присущи такие признаки как интерактивность, автономность, актуальность и порождённость. Из-за полионтичности (существования множества равнозначных реальностей) виртуальности отечественный исследователь придерживается принципа конструктивизма, замечая, что невозможно построить абсолютную картину мира, так как ни одна из реальностей не может считаться «самой истинной» [5].

Но чем отличается виртуальная реальность от цифровой? Есть ли разница между виртуализацией и цифровизацией политики? Или это два термина, описывающие одни и те же процессы и явления? Начать следует с того, что их базовое фундаментальное отличие в том, что виртуализация – более широкий термин в сравнении с цифровизацией. Виртуализация началась раньше цифровой трансформации политической сферы. При виртуализации политики происходит замещение реальных политических процессов и явлений их виртуальными образами до активного проникновения алгоритмов в политический процесс. Виртуализация политики больше связана с началом развития Интернета поколения Web 1.0 и появлением первых интернет-ресурсов, тогда как цифровизация политики имеет прямое отношение к развитию социальных сетей, а также к внедрению искусственного интеллекта, нейронных сетей в политический процесс. Но все же – это два неразрывных этапа одного процесса трансформации политики и политического консалтинга. Если виртуализация образов политических событий, исторических и современных политических деятелей может использоваться в воспроизводстве политических мифов, то генерация виртуальных политических образов связана с цифровизацией политики – проникновением цифровых технологий в политику, распространением цифровых медиа, а также с активным проникновением в политическую практику алгоритмов, нейронных сетей, программного обеспечения, цифровых платформ, социальных сетей, веб-приложений, видеохостингов, голограмм, видеоигр. В отличие от виртуализации политики, цифровизация политики сильно зависит от цифровых стандартов.

Французский мыслитель Ж. Бодрийяр схожие феномены рассматривал через призму категории гиперреальности, раскрыв симулякры, репрезентирующих то, оригинала чего на самом деле не существует. Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р полит. наук С.В. Володенков, переработав модель Бодрийяра, предложил категорию киберсимулякра – «искусственно сконструированной псевдоличности», которая симулирует активность подлинного человека в интернет-пространстве. Данные киберсимулякры становятся важнейшим элементом виртуализации политики. Российский исследователь описывает виртуальную трансформацию политической жизни как «...реальные политические процессы уступают место смоделированным виртуальным медиатизированным конструкциям, которые и воспринимаются общественным сознанием в качестве политической действительности, вызывая соответствующие вполне реальные, а не виртуальные, политические последствия и эффекты» [1]. При этом киберсимулякры, а также другие искусственно созданные виртуальные политические образы и символы могут основываться на давно существующих в обществе устойчивых стереотипах, механизм которых детально проанализировал У. Липпман. Ограничителем виртуализации политической жизни может быть цифровое неравенство, при котором регионы страны либо определенные социальные группы не могут воспользоваться возможностями интернет-коммуникаций.

Российский исследователь, д-р филос. наук С.В. Тихонова замечает, что обратной стороной виртуализации становится социализация Интернета, при которой важным фактором выступает запрос пользователей на высокую достоверность информации, представленной в социальных сетях. Таким образом, в отличие от виртуализации, социализация Интернета предполагает обратный процесс, когда виртуальные образы начинают приобретать персонализированные, реальные, более «живые» признаки и связи. Причиной данной тенденции становится сближение онлайн- и оффлайн-коммуникаций [6]. Однако ключевая характерная черта виртуальных политических конструкций – стирание чёткой грани между реальными, подлинными политическими субъектами, объектами, процессами, явлениями и их сконструированными виртуальными образами в условиях постправды. Поэтому виртуализация политики во многом создает серьёзную проблему достоверности и верификации информации.

Немецкий учёный А. Бюль, развивая свою структурно-аналитическую модель виртуального общества, предположил, что компьютеры, как универсальные машины конструирования «зеркальных миров», способствуют виртуализации – процессу замещения

реального пространства с появлением виртуальных аналогов политических акций и экономических интеракций [9]. Тем самым, при виртуализации политики происходит замещение реальных политических процессов и явлений их виртуальными образами. При этом российский исследователь феномена виртуализации Д.В. Иванов обращает внимание, что в условиях этого явления сущность политической власти все же меняется – теперь это не традиционная конкуренция программ действий и партий, а борьба политических имиджей, образов, с помощью которых пресс-секретари, имиджмейкеры и представители шоу-бизнеса создают рейтинги для политиков во время политических кампаний, сопровождаемых созданием специализированных веб-страниц и серверов. Ныне политический процесс больше попадает в зависимость не от партийных митингов, заседаний правительственных и партийных комитетов или межфракционных переговоров, а от телестудий и PR-агентств [3].

Результаты анализа

Анализ возможностей и ограничений цифровых технологий для политического консалтинга

Перспективы цифровых технологий для политического консалтинга. Как правило, перспективы использования чего-либо зависят от сильных сторон. Следовательно, логично начать с этого компонента анализа. Например, к сильным сторонам цифровых технологий, алгоритмов, нейронных сетей для политического консалтинга можно отнести перспективное направление конструирования виртуальных имиджей политических лидеров, виртуальных образов партий, политических движений, идеологий, государств, органов государственной власти, избирательного процесса, международных организаций. Цифровизация открывает для политических консультантов новые возможности в области интерактивности, экстерриториальности, сетевых приёмов, генерации политического контента, создания политических прогнозов. Сетевой характер цифровых технологий и коммуникаций создаёт новые условия для командной работы политических консультантов. Сильной стороной таких цифровых технологий как Big Data является выявление и анализ внушительных потоков политизированных данных (посты, лайки, репосты, мемы, комментарии и т.п.). Новые интеллектуальные помощники также могут стать хорошим подспорьем для политических консультантов в плане работы с базами данных, огромными массивами структурированных и неструктурированных данных.

Также под влиянием цифровой трансформации политики стимулируется развитие разнообразных гибких технологий цифровой пропаганды, которая осуществляется не только благодаря специалистам, но и посредством технологий искусственного интеллекта. Цифровая пропаганда как раз обращается к узнаваемым виртуальным образам и символам. Некоторые исследования убедительно доказывают, что адаптированный нейронной сетью под человека контент способен совершенствовать пропагандистские приёмы [14; 10]. Наиболее оптимальным решением представляется создание гибридной модели развития политического консалтинга, при которой человеческий фактор при всех очевидных преимуществах автоматизации политических технологий не устраняется полностью, а предполагает активную, полноценную вовлечённость команд политических консультантов в корректировку функционирования нейронных сетей и социальных ботов. Таким образом, можно будет регулярно совершенствовать приёмы не только микроцелевой таргетированной пропаганды, но и сделать технологии политического PR, политического имиджмейкинга и политического брендинга более адаптированными к современным социальным реалиям конкретной страны и её отдельных регионов.

Кроме цифровой эволюции дополнительных технологий политической пропаганды, политического PR, можно отметить цифровую трансформацию партий и политического лидерства. Здесь для политического консалтинга появляются новые горизонты. Так, наиболее мощным современным фактором в виртуализации политического процесса являются разработки в области технологий искусственного интеллекта. К примеру, в 2022 г. в Дании представителем новой Синтетической партии (The Synthetic Party) стал искусственный

интеллект чат-бот Лидер Ларс¹. Среди предложений партии – создание в стране IT-сектора, находящегося в общей собственности, введение общего базового дохода, реорганизация национального парламента посредством ежемесячных случайных назначений.

Такие прецеденты не означают замены традиционных партий и политических лидеров интеллектуальными системами. Однако эти тенденции предвещают, что профессия политического консультанта будет испытывать определённую трансформацию. Специалист в области политических технологий будет вынужден осваивать новые компетенции не только в области IT, но и в сфере законодательства, регулирующего использование цифровых технологий в политике.

Большие перспективы открывает развитие нейронных сетей для политического прогнозирования – важнейшего направления политического консалтинга. Современные российские и зарубежные эксперименты в области политической прогностики доказывают, что интеллектуальные системы способны стать хорошим подспорьем для прогнозирования изменения как электоральных, так и геополитических процессов. Интеллектуальные системы способны выявлять актуальные политические тенденции, связывать их с существующими социальными проблемами, давая шанс партиям и кандидатам сделать свои стратегии и тактики предвыборной борьбы более релевантными запросам электората [2; 8]. Заказчиками такого интеллектуального политического прогнозирования могут быть не только кандидаты и партии, но и органы государственной власти, заинтересованные в укреплении своей легитимности [7].

Ограничения цифровых технологий для политического консалтинга. Зачастую ограничения обусловлены определёнными недостатками или специфическими характеристиками какого-либо объекта или явления. Если этот фокус применять к слабым чертам цифровых технологий для развития политического консалтинга, то среди них можно назвать затраты на высокопрофессиональных программистов, которые должны быть довольно надёжными и не допускать нарушения конфиденциальности политико-консалтингового бизнеса, не разглашать сведения заказчика, замыслы, особенности предвыборной стратегии и тактики политических консультантов. Кроме того, программисты или разработчики могут внедрять свои ценностные предпочтения в интеллектуальные интерфейсы, не обязательно релевантные ценностям предпочтениям представителей групп электората. Зависимость от зарубежных алгоритмов, технологий, их обновлений перемещает политико-консалтинговую деятельность в серьёзную зону риска: нарушения конфиденциальности, корпоративной тайны, взлома баз политических консультантов со стороны хакеров заставляет повышать затраты на кибербезопасность.

Ещё одним серьёзным препятствием в использовании цифровой сферы для развития политического консалтинга являются особенности национальной правовой базы. Если она недостаточно развита или вовсе препятствует применению цифровых технологий в политической кампании, то их значение сходит на нет. При этом могут встречаться запреты на применение конкретных цифровых технологий в предвыборной агитации или политической рекламе. Поэтому политический консультант будет вынужден учитывать не только особенности законодательства той или иной страны, но и следить за появлением новелл в праве, касающихся применения технологий на алгоритмической основе. Нормативные ограничения касаются и приведённого выше датского кейса. Согласно законодательству Дании, интеллектуальная система Лидер Ларс не может претендовать на государственный пост, поэтому представлять его могут только реальные члены партии.

Кроме того, увеличение числа дипфейков в электоральном процессе может способствовать ужесточению законодательной базы в конкретной стране. Альтернативным решением является внедрение в национальную цифровую инфраструктуру специализированных интеллектуальных платформ, регулярно отслеживающих активность нейросетей, социальных ботов и генеративных агентов в политической сфере. Дипфейки – это

¹ Dupré M.H. New European Political Party Is Led by an Artificial Intelligence. [Электронный ресурс]. URL: <https://futurism.com/political-party-led-by-artificial-intelligence> (03.02.2026).

системы, синтезирующие видео-, аудиоизображения реальных политических деятелей, которые могут использоваться в качестве политических технологий и вводить в заблуждение избирателей, провоцировать скандалы, конфликты, тем самым дискредитируя деятельность политических консультантов.

Примером дипфейка с использованием изображения политического деятеля, может служить ложное видео, появившееся в интернет-пространстве в январе 2024 г. Оно содержало информацию о приложении способного без помощи человека совершать сделки на фондовом рынке. Для создания объективности происходящего, дипфейк включал кадры с участием ирландских чиновников и выступлением премьер-министра Ирландии Лео Варадкара. Фоном шла закадровая озвучка со следующим содержанием: «Премьер-министр Лео Варадкар спокойно зарабатывает колоссальные суммы на проекте, который изначально предназначался для обычных граждан»².

Некоторые исследователи полагают, что такие дипфейки способны подорвать доверие к политикам и совершить прорыв в микроцелевой таргетированной политической пропаганде [13].

Другие авторы скептически оценивают возможности дипфейков повлиять на генерацию фальшивой реальности, хотя признают, что дипфейки могут повлиять на оценку политиков [11].

Во-первых, не исключена ценностная предвзятость алгоритмов, связанная с заложенными

в систему разработчиками особенностями. Во-вторых, нерешённой проблемой остается так называемый эффект «чёрного ящика» (непрозрачности алгоритмов), при котором даже разработчики не способны объяснить, каким образом интеллектуальная система пришла к конкретному выводу и предложила определённые решения и рекомендации [15].

Другим ограничителем распространения цифровых технологий в политико-консалтинговой деятельности могут стать особенности политической культуры определенной страны. Например, технология политической голограммы получила в определенный момент большую популярность в Индии [7], но оказалась менее востребована электоратом в США.

Также важно отметить такую угрозу для политического консалтинга, как автоматизация политического процесса. Если предположить, что политических деятелей, политические партии гипотетически в будущем заменят интеллектуальные системы, то это может привести к серьёзной деградации традиционной публичной политики. Цифровая трансформация публичной политической сферы уже видна на примерах проектов «виртуальных политиков» – систем искусственного интеллекта, которые их создатели планировали использовать в политической деятельности (Michihito Matsuda в Японии; SAM в Новой Зеландии, нейросеть «Жириновский» в России и т.п.) [7].

Американский исследователь Т. Лехтерман из Университета IE (Испания) рассуждает о возможности появления автоматизированных политиков (automated politicians) – алгократов (algocrats) [12]. Такие тенденции, по его мнению, несут угрозу для традиционного института представительной демократии. При другом схожем варианте функции политического консультирования могут перейти к неким отделам в структурах крупных технологических корпораций, которые получают бесконтрольный доступ к персональным данным граждан.

Наиболее неблагоприятный сценарий – трансформация политических консультантов в обособленную цифровую касту, обслуживающую только узкие интересы ограниченных групп элит. В этом варианте институт политических консультантов начинает тесно сотрудничать с IT-специалистами, технологическими корпорациями

Представляется логичным обобщить полученные результаты в табл. 1.

² Deepfake scam ad uses video of Leo Varadkar and Virgin Media's Colette Fitzpatrick. [Электронный ресурс]. URL. <https://www.sundayworld.com/showbiz/tv/deepfake-scam-ad-uses-video-of-leo-varadkar-and-virgin-medias-colette-fitzpatrick/a1635142814.html> (02.02.2026).

Результаты SWOT-анализа

<p>Сильные стороны:</p> <ul style="list-style-type: none"> – интерактивность; – сбор и анализ политизированных данных; – сетевой характер; – интеллектуальные помощники и автоматизация рутинных функций. 	<p>Слабые стороны:</p> <ul style="list-style-type: none"> – нерелевантность нормативной базе; – противоречие с политической культурой страны; – необходимость постоянной поддержки со стороны IT-специалистов; – затраты на кибербезопасность.
<p>Возможности:</p> <ul style="list-style-type: none"> – виртуальное совершенствование политических имиджей и брендов; – перевод политической пропаганды на новый алгоритмический уровень; – адаптация самой профессии политического консультанта к современным реалиям; – совершенствование политического прогнозирования. 	<p>Угрозы:</p> <ul style="list-style-type: none"> – дискредитация политико-консалтинговых компаний из-за дипфейков и цифровых манипуляций; – деградация политического процесса, публичной политики из-за масштабной автоматизации и роста влияния технологических корпораций; – трансформация политических консультантов в замкнутую касту, неподвластную для общественного мониторинга и контроля.

Выводы

Делая выводы, важно отметить несколько ключевых идей. Проведенное исследование продемонстрировало только примерные контуры будущей трансформации института политического консалтинга. С одной стороны, политические консультанты сталкиваются с ограничениями цифровых технологий (их слабыми чертами и угрозами, провоцируемыми ими). Это нерелевантность нормативной базе, противоречия алгоритмических настроек специфике политических ценностей, политической культуры конкретной страны, повышенные затраты на кибербезопасность, деградация политического процесса из-за тенденции его автоматизации. Но, с другой стороны, политические консультанты получают с помощью цифровых приёмов и новые возможности – от виртуального совершенствования политических имиджей, брендов, пропаганды до применения новейших практик политического прогнозирования.

Исследование вносит вклад в понимание взаимосвязи между цифровыми технологиями и развитием института политического консалтинга. Автором проведён анализ положительных аспектов и рисков, возникающих вследствие цифровизации политической сферы. Применение метода SWOT-анализа позволило систематизировать факторы, оказывающие влияние на профессию политического консультанта.

Особое внимание уделено негативным последствиям, прежде всего трудностям правового регулирования, риску утечки конфиденциальной информации и опасности чрезмерной автоматизации политического процесса. При этом отмечены и позитивные изменения, которые дают возможность политическим консультантам повысить эффективность своей профессиональной деятельности.

К важнейшим выводам работы можно отнести необходимость адаптации профессиональных компетенций политических консультантов к современному уровню

технологического процесса, который сочетает в себе опыт и знания специалиста с передовыми методами анализа и управления политического процесса.

Несмотря на пользу проведённых наблюдений, некоторые аспекты исследования могут вызвать дискуссию. Например, вопрос насколько оправдано делегирование функций принятия решений искусственному интеллекту и алгоритмам остаётся открытым и требует дальнейшего изучения. Проблемы приватности, манипуляция общественным мнением, потенциальные злоупотребления в создании цифровых аватаров действующих политических деятелей также нуждаются в последующей доработке.

Данная статья является важным этапом в развитии понимания специфики и изменений в институте политического консалтинга, вызванных переходом к цифровому обществу. Исследование стимулирует дальнейшее обсуждение вопросов, возникающих в сфере политического консалтинга в эпоху тотального внедрения цифровых технологий.

Литература

1. Володенков С.В. Интернет-технологии как современный инструмент виртуализации массовой политической реальности // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. - 2017. - № 2. - С.15-23.
2. Ерохина О.В. Возможности использования методов машинного обучения для решения политических задач // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. - 2020. - Т. 10. - №3. - С. 67-73. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-67-73.
3. Иванов Д.В. Виртуализация общества. – СПб.: Петербургское Востоковедение. 2000. - 224 с.
4. Иванова О.Э. Менеджмент консалтинг как метод решения управленческих и бизнес-проблем // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. - 2021. - № 4 (32). - С. 67-76.
5. Носов Н.А. Манифест виртуалистики. - М.: Путь, 2001. – 17 с.
6. Тихонова С.В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 138-152. DOI: 10.17976/jpps/2016.03.11.
7. Федорченко С.Н. Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации: монография. - М.: «Проспект», 2024. - 480 с.
8. Ясницкий Л.Н. О возможностях применения методов искусственного интеллекта в политологии // Вестник Пермского университета. Политология. - 2008. - № 2 (4). - С. 147-155.
9. Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. - Opladen. 1997.
10. Hackenburg K., Margetts H. Evaluating the persuasive influence of political microtargeting with large language models // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2024. Vol. 121. Iss. 24. URL: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2403116121> (дата обращения: 03.02.2026).
11. Hameleers M., Meer T. G. L. A. van der, Dobber T. You Won't Believe What They Just Said! The Effects of Political Deepfakes Embedded as Vox Populi on Social Media // Social Media + Society. 2022. Vol. 8. Iss. 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/20563051221116346> (дата обращения: 02.02.2026).
12. Lechterman T.M. The Perfect Politician // AI Morality. Ed. by D. Edmonds. Oxford: Oxford University Press. 2024. P. 53-63.
13. Ó Fathaigh R., Dobber T., Zuiderveen Borgesius F., Shires J. Microtargeted propaganda by foreign actors: An interdisciplinary exploration // Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2021. Vol. 28. Iss. 6. P. 856-877.
14. Simchon A., Edwards M., Lewandowsky S. The persuasive effects of political microtargeting in the age of generative artificial intelligence // PNAS Nexus. 2024. Vol. 3. Iss. 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.oup.com/pnasnexus/article/3/2/pgae035/7591134> (дата обращения: 03.12.2026).
15. Vesa M., Tienari J. Artificial intelligence and rationalized unaccountability: Ideology of the elites? // Organization. 2022. Vol. 29. Iss. 6. P. 1133-1145. DOI: 10.1177/1350508420963872.

References

1. Volodenkov S.V. Internet-tehnologii kak sovremennyy instrument virtualizatsii massovoy politicheskoy real'nosti [Internet technologies as a contemporary tool of mass political reality virtualization]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science]. 2017, I. 2, pp. 15-23. (In Russia).
2. Erokhina O.V. Vozmozhnosti ispol'zovaniya metodov mashinnogo obucheniya dlya resheniya politicheskikh zadach [Implementation of machine learning methods to solve political problems]. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University]. 2020, V. 10, I. 3, pp. 67-73. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-67-73. (In Russia).
3. Ivanov D.V. Virtualizatsiya obshchestva [Virtualization of society]. - SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie [Petersburg Oriental Studies]. 2000. 224 p. (In Russia).
4. Ivanova O.E. Menedzhment konsalting kak metod resheniya upravlencheskikh i biznes-problem [Management consulting as a method of management and business problem solving]. Aktual'nye problemy ekonomiki i menedzhmenta [Actual problems of Economics and Management]. 2021, I. 4 (32), pp. 67-76. (In Russia).
5. Nosov N.A. Manifest virtualistiki [Manifesto of virtualistics]. - M.: Put' Publ., 2001. 17 p. (In Russia).
6. Tikhonova S.V. Sotsial'nye seti: problemy sotsializatsii Interneta [Social networks: problems of Internet socialization]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2016, I. 3, pp. 138-152. DOI: 10.17976/jpps/2016.03.11. (In Russia).
7. Fedorchenko S.N. Vlast' algoritma: tehnologii legitimatsii politicheskikh rezhimov v usloviyakh tsifrovizatsii: monografiya [The power of the algorithm: technologies for legitimizing political regimes in the context of digitalization: a monograph]. M. Prospekt Publ., 2024. 480 s.
8. Yasnitskiy L.N. O vozmozhnostyakh primeneniya metodov iskusstvennogo intellekta v politologii. [About the possibilities of using artificial intelligence methods in political science]. Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya [Bulletin of Perm University. Political Science]. 2008, I. 2 (4), pp. 147-155.
9. Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft: Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. Opladen Publ. 1997.
10. Hackenburg K., Margetts H. Evaluating the persuasive influence of political microtargeting with large language models. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2024, V. 121, I. 24. Available at: <https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2403116121> (Accessed: 03.02.2026).
11. Hameleers M., Meer T. G. L. A. van der, Dobber T. You Won't Believe What They Just Said! The Effects of Political Deepfakes Embedded as Vox Populi on Social Media. Social Media + Society. 2022, V. 8, I. 3. Available at: journals.sagepub.com/doi/10.1177/20563051221116346 (Accessed: 02.02.2026).
12. Lechterman T.M. The Perfect Politician. AI Morality. Ed. by D. Edmonds. Oxford: Oxford University Press Publ. 2024, pp. 53-63.
13. Ó Fathaigh R., Dobber T., Zuiderveen Borgesius F., Shires J. Microtargeted propaganda by foreign actors: An interdisciplinary exploration. Maastricht Journal of European and Comparative Law. 2021, V. 28, I. 6, pp. 856-877.
14. Simchon A., Edwards M., Lewandowsky S. The persuasive effects of political microtargeting in the age of generative artificial intelligence. PNAS Nexus. 2024, V. 3, I. 2. Available at: academic.oup.com/pnasnexus/article/3/2/pgae035/7591134 (Accessed: 03.12.2026).
15. Vesa M., Tienari J. Artificial intelligence and rationalized unaccountability: Ideology of the elites? Organization. 2022, V. 29, I. 6, pp. 1133–1145. DOI:10.1177/1350508420963872.